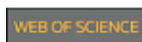

Подоксенов А. М. Пришвин и Бухарин : драма советского вождя глазами писателя / А. М. Подоксенов, В. А. Телкова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 301—318. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-301-318.

Podoksenov, A. M., Telkova, V. A. (2022). Prishvin and Bukharin: Drama of Soviet Leader as Seen by Writer. *Nauchnyi dialog*, 11(3): 301-318. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-301-318. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-301-318

Пришвин и Бухарин: драма советского вождя глазами писателя

Подоксенов Александр Модестович
orcid.org/0000-0001-6405-6140
доктор философских наук, профессор,
кафедра философии
и социальных наук
podoksenov2006@rambler.ru

Телкова Валентина Алексеевна
orcid.org/0000-0001-5738-3143
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского языка,
методики его преподавания
и документоведения
telkova.2014@bk.ru

Елецкий государственный
университет им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Prishvin and Bukharin: Drama of Soviet Leader as Seen by Writer

Alexander M. Podoksenov
orcid.org/0000-0001-6405-6140
Doctor of Philosophy, Professor,
Department of Philosophy
and Social Sciences
podoksenov2006@rambler.ru

Valentina A. Telkova
orcid.org/0000-0001-5738-3143
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of the Russian Language,
Methods of Its Teachin
and Record Keeping
telkova.2014@bk.ru

Bunin Yelets
State University
(Yelets, Russia)

© Подоксенов А. М., Телкова В. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются идейно-политический контекст взглядов М. Пришвина на жизнь советского общества и оценка писателем деятельности Н. И. Бухарина после Октябрьской революции. Изучение дневникового творчества Пришвина будет способствовать объективному представлению о мировоззренческой позиции писателя и о его художественном наследии в целом. Показано, как в ходе применения к анализу деятельности и судеб вождей большевизма художественных образов и идей Ф. М. Достоевского Пришвин приходит к выводу, что организаторы и вдохновители социального насилия над людьми сами неминуемо погибнут, став жертвами своих же разрушительных идей. Особое внимание уделяется анализу ранее не издававшегося из-за цензурных ограничений 18-томного «Дневника» писателя, который стал доступен для читателей только в постсоветское время. Показано, что фанатизм служения идее классовой борьбы порождает морально-нравственную ущербность партийно-государственной элиты, из среды которой выходят соперники Сталина — «претенденты на власть». Впервые в пришвиноведении предпринята попытка показать, как на примере судьбы Бухарина — типичного представителя большевиков-ленинцев — писатель не только раскрывает трагическую противоречивость его убеждений, но и делает историософские выводы о внутренних изъянах революционной идеологии.

Ключевые слова:

Пришвин; Бухарин; Сталин; Достоевский; большевизм; литература.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The ideological and political context of M. Prishvin's views on the life of Soviet society and his assessment of the activities of N. I. Bukharin after the October Revolution are studied. The study of Prishvin's diary works will contribute to an unbiased and objective idea of the writer's ideological position and of his artistic heritage as a whole. It is shown how, in the course of applying the artistic images and ideas of F. M. Dostoevsky to the analysis of the leaders of Bolshevism activities and destinies, Prishvin comes to the conclusion that the organizers and inspirers of social violence against people will inevitably die, becoming victims of their own destructive ideas. Particular attention is paid to the analysis of the 18-volume "Diary" of the writer, previously unpublished due to censorship restrictions, which became available to readers only in the post-Soviet period. It is shown that the fanaticism of serving the idea of the class struggle gives rise to the moral inferiority of the party-state elite, from whose midst come Stalin's rivals — "pretenders for power". For the first time in Prishvin studies, an attempt was made to show how, using the example of the fate of Bukharin, a typical representative of the Bolshevik-Leninists, the writer reveals not only the tragic inconsistency of his beliefs, but also draws historiographical conclusions about the internal flaws of the revolutionary ideology.

Key words:

Prishvin; Bukharin; Stalin; Dostoevsky; Bolshevism; literature

Пришвин и Бухарин: драма советского вождя глазами писателя

© Подоксенов А. М., Телкова В. А., 2022

1. Введение = Introduction

Михаил Михайлович Пришвин (1873—1954) — один из ярких представителей той части русской и советской литературы, чье творчество характеризуется сложным и неординарным отношением со своим временем, с обществом и властью. Примечательной особенностью личности писателя выступает тесное переплетение его жизни с эпохальными событиями русской истории, с деятельностью видных представителей науки, искусства и политики. Одним из них был Николай Иванович Бухарин (1888—1938) — революционный и государственный деятель, один из ближайших соратников Ленина, член Политбюро ЦК ВКП (б), главный редактор ведущих советских газет «Правда» и «Известия». Из дневниковых записей Пришвина ясно, что он хорошо был знаком с идейно-политическими взглядами Бухарина и, хотя далеко не всегда их поддерживал, относился к нему отчасти с симпатией, как к человеку самостоятельного ума, за что тот нередко подвергался критике со стороны властной верхушки.

Вероятнее всего, Бухарин привлек внимание Пришвина в середине 1920-х годов в связи с кампанией по дискредитации Сергея Есенина (1895—1925), самоубийство которого многие из творческой интеллигенции того времени расценили как прямой протест против подавления свободы искусства. Очевидно, именно так это было понято и правящей верхушкой государства. Не случайно, пишет Пришвин, литературные и государственные чиновники — «люди, не имеющие ни малейшего представления о поэзии, напали на бедного удавленника Советской России Есенина: начал Сосновский, потом Бухарин, потом Луначарский и вслед за ними, наверно, скоро будет прыгать наркомздрав Семашко с докладом о психопатологических основах мелкобуржуазного поэта Есенина» [Пришвин, 2003, с. 214].

Самоубийство поэта, которого Пришвин знал лично, творчество которого любил, безусловно, глубоко взволновало писателя, увидевшего в его смерти прямое следствие губительности курса большевиков на политизацию искусства. Поэтому статью Бухарина «Злые заметки» («Правда», 12 января 1927 года), которая представила Есенина не только классово, но и нравственно ущербным певцом деревенской темноты, замшелости и

упадочности, Пришвин встретил весьма негативно, расценив ее как откровенно «хулиганскую» и лишь добавляющую всем, кто знал поэта, «горечи и возмущения и унижения» [Письма ..., 1963, с. 341]. Правда, по иронии судьбы очень скоро и сам Бухарин, несмотря на приверженность идеям большевизма, испытает на себе всю полноту несправедливости, горечи и унижений от власти. Ход истории покажет всю несостоятельность надежд партии большевиков идейно оседлать Пегаса искусства, принудив его служить исключительно целям и задачам своей политики. И здесь одним из многих примеров станет трагическая судьба Бухарина, убежденного сторонника партийно-классового подхода к художественному творчеству.

Профессиональный революционер, член самого узкого и влиятельного круга партийной элиты большевизма, Бухарин считался, как писал В. И. Ленин, «ценнейшим и крупнейшим теоретиком партии» [Ленин, 1982, с. 345]. Не случайно Максим Горький в 1925 году адресовал Бухарину письмо, призывая его обратить внимание писателей-рабочих на то, что наряду с ними уже появилось творчество «писателей-крестьян и что здесь возможен, — даже, пожалуй, неизбежен конфликт двух “направлений”». Всякая “цензура” тут была бы лишь вредна и лишь заострила бы идеологию мужикопоклонников и деревнелюбов, но критика — и нещадная — этой идеологии должна быть дана теперь же» [Горький, 1989, с. 246]. По мнению Горького, недвусмысленно выраженном в этом письме, большевики должны энергичнее укреплять свои позиции не только в экономике и политике, но и в сфере искусства, помогая писателям выбрать верное направление творческого пути и способствуя осознанию идейных задач, которые ставит перед литературой пролетарское государство.

Если многие из советских чиновников, хорошо усвоивших партийно-политическую риторику, были в принципе не способны выйти за пределы идейной догматики, то Бухарин, пожалуй, был наименее «тоталитарным» большевиком. Среди партийных вождей своего времени он являл редкое исключение по умению проявлять уважение к таланту, что способствовало его дружескому сближению с такими разными представителями науки и искусства, как историк М. Н. Покровский, физиолог И. П. Павлов, поэт О. Э. Мандельштам, литераторы М. Горький и М. М. Пришвин, а также со многими другими деятелями культуры.

Однако, несмотря на широту интеллектуального кругозора Бухарина, над ним, как и над многими приверженцами идеологии большевизма, в полной мере господствовала марксистско-ленинская парадигма «классового подхода» ко всем сферам духовной жизни общества, что неизбежно вело к внутренней противоречивости его мировоззренческих взглядов. И хотя, как сторонник эволюционного пути развития социализма, Бухарин

слыл борцом за «советскую демократию», он же не менее убежденно утверждал, что только «пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью <...> является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи» [Бухарин, 1989, с. 168].

Относительно же призывов к свободе творчества, обеспечить которую от большевиков требовали многие представители искусства, Бухарин писал, что победоносная пролетарская революция дала партии Ленина безусловное право требовать от всех писателей, художников и поэтов беспрекословно служить интересам рабочего класса: «Пора бросить нейтральную по отношению к политике точку зрения. Нет такой!» [Бухарин, 1925, с. 7]. Сомневающимся в том, сможет ли советская власть привлечь деятелей культуры на службу своей идеологии, Бухарин заявлял от имени партии, что эта задача будет решена путем создания советской интеллигенции: «Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер», а это значит, что «мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их как на фабрике. <...> Если мы поставили себе задачу идти к коммунизму, мы должны этой задачей пропитать все решительно» [Там же, с. 6].

Именно к такому фабрично-заводскому способу создания новой интеллигенции вскоре приступил И. В. Сталин, определив формы, рамки и критерии идейно-политической «штамповки» деятелей советской культуры. Здесь, как предписывал своим соратникам Сталин, «вернее всего было бы оперировать в художественной литературе понятиями классового порядка, или даже понятиями “советское”, “антисоветское”, “революционное”, “антиреволюционное” и т. д.» [Сталин, 1949, с. 326—327]. Инструкция генсека правящей партии по вопросу о принципах классификации художественной литературы стала директивным указанием для всех причастных к искусству партийно-государственных органов и учреждений, ставя перед ними задачу сформировать максимально политизированную социалистическую культуру, которая будет заниматься пропагандой и духовной поддержкой идеологии тоталитарной власти. И совсем не удивительно, что под ее железной пятой вскоре окажется и сам Бухарин, столь опрометчиво уверовавший в необходимость регулировать свободу творческих взглядов посредством классовой борьбы.

Пришвин же был принципиально не согласен с мнением вождей большевизма, что социализм можно построить только путем социального насилия и террора, считая, что суть происходящего в советском обществе заключается не в классовом противостоянии, а прежде всего в обострении борьбы партийной номенклатуры за власть. «“Классовую

борьбу” теперь, при подавлении враждебных классов, надо понимать как борьбу за государство» [Пришвин, 2009, с. 58], которую ожесточенно ведут между собой вожди, поэтому «личная диктатура должна завершить революцию неизбежно» [Пришвин, 2006, с. 143], — провидчески отмечает он в «Дневнике».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Внимательный наблюдатель за духовной атмосферой советского общества, Пришвин не мог не обратить внимание на деятельность Бухарина как одного из видных вождей большевизма. Размышления о его роли в становлении первого в мире пролетарского государства занимают значительное место в пришвинском 18-томном «Дневнике» (1991—2017), публикация которого раскрывает истинное отношение писателя к ключевым политическим фигурам своего времени. Вместе с тем вопрос о взаимоотношениях Пришвина с Бухариным до сих пор остается одной из еще не исследованных сторон жизни писателя, о чем можно судить по тому факту, что среди почти двух тысяч источников библиографического указателя литературы о творчестве писателя за период с 1908 по 2013 годы нет ни одной статьи по теме «Пришвин и Бухарин», см.: [Михаил ..., 2013]. Дополнительный свет на взаимоотношения Пришвина и Бухарина проливают лишь воспоминания сына писателя Петра Михайловича Пришвина (1909—1987), см.: [Пришвин, 2009б]. Интересные сведения об отношениях писателя с Бухариным содержит вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей» книга А. Н. Варламова «Пришвин» [Варламов, 2003], хотя автор не мог в полной мере использовать материалы 18-томного «Дневника» писателя, публикация которого завершилась, как уже было отмечено, только в 2017 году.

В настоящей работе мы намерены проследить эволюцию взглядов М. М. Пришвина на деятельность Н. И. Бухарина, с тем чтобы показать, как на примере судьбы Бухарина — типичного представителя большевиков-ленинцев — писатель не только раскрывает трагическую противоречивость его убеждений, но и делает историософские выводы о внутренних изъянах революционной идеологии. Особое внимание уделяется анализу ранее не издававшегося из-за цензурных ограничений 18-томного «Дневника» писателя, который стал доступен для читателей только в постсоветское время. Анализ этих текстов показывает, что для осмысления деятельности и судьбы политических фигур своего времени Пришвин обращается к наследию Ф. М. Достоевского, где и находит художественные образы и идеи, позволяющие разобраться в реалиях формирования большевистской идеологии и борьбы политических элит того времени.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Внутрипартийная борьба за власть и тотальная политизация советского государства

На протяжении всего периода от смерти Ленина до Великой Отечественной войны, когда в советском руководстве шла ожесточенная борьба за власть, Бухарин выступает для Пришвина олицетворением противоречивой сущности большевизма. Анализируя политическую судьбу Бухарина, писатель пытается понять психологию революционеров новой эпохи, подобно тому, как в свое время Достоевский стремился раскрыть сокровенные мотивы деятельности организаторов революционно-социалистического движения. При этом Пришвина особо привлекает мысль Достоевского о роковой власти идеи как духовного запала, который способен взорвать сознание человека и толкнуть его на роковой путь деятельности. «*Пистон*. Вот и надо выявить эту земную мудрость, которая убивает убийцу, и сопоставить с тем, кто не убивает, но существует как “пистон” (Иван Карамазов)» [Пришвин, 2010а, с. 269]. Выделив курсивом слово «*пистон*», Пришвин, несомненно, обозначает этим тему судьбы вождей Октябрьской революции, которые не убивают сами, но, будучи организаторами и вдохновителями насилия, неминуемо рано или поздно гибнут, становясь жертвами своих же разрушительных идей.

Достоевский уже показал, что какова идея человека, таков и сам этот человек как в делах своих, так и в своем мировоззрении. В большинстве произведений великого писателя художественное бытие его героев — это всегда воплощение той или иной идеи. Внедрившись в сознание, роковая идея полностью определяет поведение и поступки персонажа, и, когда ложная абстракция окончательно поражает ум, идея «съедает» человека. Таков фатализм судеб Раскольникова и Сонечки Мармеладовой, Свидригайлова и Смердякова, отца и братьев Карамазовых, таков итог деятельности многих персонажей Достоевского, о которых лучше всего можно сказать словами Кириллова, одного из героев романа «Бесы»: «Ставрогина тоже съела идея», да и сам «Кириллов не вынес идеи и — застрелился» [Достоевский, 1974, с. 469, 514].

Очевидно, что для Пришвина таким же наглядным примером предопределенности идеей печального финала жизненного пути выглядела и судьба Бухарина. Прямые признаки приближавшейся для него политической драмы писатель обнаруживает уже в 1927 году: «Читал речь Бухарина, и мне больно думать о жизни Троцкого, Зиновьева и Каменева. Судя по тому, что говорил о них Бухарин, эти люди окончательно разочаровались в революции и, победив, продолжают какую-то мышью свою беготню: в их положении надо или верить, как хочет верить честный Бухарин, или покончить с собой»

[Пришвин, 2003, с. 437]. Дело в том, что внутрипартийная борьба за власть после смерти Ленина вступила в решающую фазу и Бухарин как один из влиятельных вождей большевизма вместе со Сталиным интриговал против других претендентов. В результате их совместных усилий в 1926—1927 годах еще совсем недавно общепризнанные вожди Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев были изгнаны из Политбюро и ЦК партии, сначала став политическими изгоями, а затем и жертвами сталинского террора.

Как человек проницательный, в этих внутрипартийных распрях Пришвин сразу же увидел не только политическую интригу, но и моральную ущербность Бухарина, который как будто взялся играть роль подпевалы при Сталине: «И вот, в конце концов, в чем же обвиняет Бухарин Троцкого — страшно сказать для материалиста: обвиняет в том, что Троцкий не верит (так и написано). Милый Бухарин, это последнее, если один социалист упрекает другого в неверии» [Там же, с. 438]. Правда, в оправдание Бухарина следует сказать, что не только он, но и многие другие деятели большевизма оказались в положении марионеток, которых искусно дергал поднаторевший в аппаратных играх кукловод Сталин. «Очень возможно, что Бухарин ненатуральный человек и склонен интеллектуально настраиваться на роль во всемирном спектакле. Эти люди около чего-то большого и реального стоят, но не знают его и называют бессмысленно» [Там же, с. 438].

В итоге, как в пословице, «коготок увяз — всей птичке пропасть», так и в жизни политическое интриганство оказалось для Бухарина роковым, ибо, расправившись при его помощи с соперниками, Сталин тут же взялся за своего недалёковидного союзника. В октябре 1930 года в «Известиях» появилась многозначительная статья, где наряду с проклятиями в адрес Троцкого Сталин неожиданно для всех именует Бухарина «двuruшником». Вырвавшаяся наружу подковерная грызня среди большевистской верхушки обнаружила уже не только обострение борьбы за власть, но и приближение драматической развязки для многих из партийной элиты — претендентов на управление новым государством, которые еще совсем недавно были активными участниками революционного свержения монархии. Одним из таких примеров крушения политической карьеры, пишет Пришвин, стала судьба Троцкого: «Трагизм Троцкого состоит в том, что он выдумал “левый курс” и сам первый от своей выдумки пострадал: Сталин взял его идею, осуществил, а самого автора выкинул вон» [Пришвин, 2006, с. 266].

Такая же судьба со всей очевидностью ждала и Бухарина, и большинство соратников из так называемой «ленинской гвардии», многие десятилетия готовивших революцию, пройдя ради этой цели каторгу, тюрьмы и ссылки, но после оказавшихся помехой для единовластия вождя, который все заслуги прежних соратников решил присвоить исключительно себе.

В этом, проницательно замечает Пришвин, была не только одна из особенностей личности Сталина в его борьбе с бывшими соратниками, но и проявление «характерной черты революции, что факт победы того или другого претендента на власть сейчас же устанавливает обязательность для всех и даже непогрешимость его идей» [Там же, с. 266].

Ситуация внутрипартийных распрей вытекала из объективного положения «ленинской гвардии», которая после революционного свержения монархии стала претендовать на участие в управлении государством, что и обусловило ее морально-психологическую двойственность: с одной стороны, признание марксистской идеологии как основы коммунистического мироустройства, а с другой — критика деятельности Сталина и создание оппозиционных кружков. Все это давало генсеку прекрасный повод для обвинения претендентов на власть в политическом интриганстве и «двурушничестве». В итоге твердокаменные «старые большевики» оказались не только ненужной и вредной обузой для советской системы управления государством, но и прямой угрозой сталинскому единовластию: «“В общем и целом” революция бросает человека даром (демпинг) — человек дает короткую вспышку и пропадает. Жизнь в ее органическом строительстве заполняется двуликими существами, будь это прожигатели жизни и вредители под маской прошлого героизма или же рядовые трусы, исповедующие генеральность линии партии» [Там же, с. 286].

Именно эта морально-психологическая двуличность, считает Пришвин, стала в 1930-е годы не только признаком партийца, но и своего рода велением времени. В свое время Достоевский писал, что нравственная ущербность — закономерный итог эволюции сознания отказавшихся от Бога приверженцев революционной идеи: «Полное порабощение свободы совести — вот к чему приходит отчаянный отрицатель и атеист! Разница в том, что наши социалисты (а они не одна только подпольная нигилистичка, — Вы знаете это) — сознательные иезуиты и лгуны, не признающиеся, что идеал их есть идеал насилия» [Достоевский, 1988, с. 68]. Со всей очевидностью такая же морально-психологическая двойственность проявилась и в поведении Бухарина, который, с одной стороны, был ярким пропагандистом революционной идеологии марксизма, а с другой — критиковал курс Сталина на тотальную коллективизацию сельского хозяйства и чрезмерно форсированное развитие промышленности.

3.2. Личное знакомство и попытка сотрудничества писателя с Бухариным

Отход Бухарина, пусть даже двойственный и половинчатый, от ортодоксальности идеологии большевизма был проявлением того свободомыслия,

которое всегда приветствуется мыслящей интеллигенцией, традиционно склонной быть в оппозиции к государственной власти. Поэтому, читая в газетной периодике бухаринские статьи, Пришвин с удовлетворением отмечал его уклонение от партийной догматики: «Замечательная статья Бухарина о современных идеях Запада и проч.: ни дать, ни взять то, о чем говорит “беспредметник”» [Пришвин, 2009, с. 364], то есть человек, мысль которого не скована жесткими рамками какой-либо «единственно верной» идеологии.

Весьма положительно Пришвин оценил и доклад Бухарина «О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР», который стал одним из центральных событий Первого съезда советских писателей, проходившего с 17 августа по 1 сентября 1934 года. Говоря о художественном мастерстве, Бухарин в положительных тонах упомянул творчество расстрелянного еще в 1921 году Н. Гумилева, похвалил лирику травимого рапповцами Б. Пастернака, высказался об устарелости формы поэтических агиток В. Маяковского и подверг суровой критике Д. Бедного. «Расценка выступления Бухарина верная, и сейчас же у всех появляется в разных дозах хамское стремление на “попятный двор”» [Там же, с. 476], — пишет в «Дневнике» Пришвин, отмечая в его докладе критику нигилизма в отношении к культурному наследию, который наряду с классовым подходом был широко распространен в советском литературоведении. Правда, такое проявление независимости по мере укрепления сталинского режима становилось все более опасным: «Понимаю и чувствую, как неприятен должен быть Бухарин нашим государственным, — писал Пришвин в феврале 1936 года. — В его общей даровитости чисто литературного характера скрывается “претендент на престол”» [Пришвин, 2010а, с. 22].

Личное знакомство писателя с Бухариным состоялось летом 1934 года, о чем говорит дневниковая запись: «4 июня. <...> Явилась охота ответить на предложение “Известий” написать о сценарии. Свидание с Бухариным (взвинчено-дружественное, шутливое ...)» [Пришвин, 2009а, с. 415]. По-видимому, внимание Бухарина как главного редактора «Известий» (1934—1936) Пришвин привлек своей работой над киносценарием по материалам повести «Жень-шень», вышедшей в 1933 году и ставшей заметным событием культурной жизни страны. Как известно, Бухарин был человек открытый и дружелюбный, что благоприятствовало общению, и Пришвин с первой же встречи установил с ним теплые товарищеские отношения.

Дружеское сближение с Бухариным открыло возможность не только публиковать свои очерки в одной из главных советских газет, но и совершить поездку на Кавказ, что для творчества Пришвина стало событием гораздо более значимым. Через посредство Бухарина писатель знакомится с Б. Э. Калмыковым, партийным вождем советской Кабардино-Балкарии,

затем получает от него приглашение посетить республику, куда и отправляется в трехмесячную служебную командировку от «Известий» летом 1936 года. За время кавказской поездки Пришвин знакомится с национальными обычаями и традициями горских народов, собирает богатый фактический материал как о ходе революции и становлении советской власти, так и о современной жизни Кабардино-Балкарии для задуманной повести «Счастливая гора» [Подоксенов, 2020, с. 201—206].

3.3. Бухарин и политические процессы над оппозицией

Начавшиеся с 1936 года политические процессы, под удар которых попадут многие из представителей высшей партийно-государственной элиты страны, включая Бухарина и Калмыкова, изменили творческие намерения Пришвина, и повесть о жизни народов советской Кабардино-Балкарии так и не была написана. Изменилось после поездки на Кавказ и отношение к Бухарину, облик которого значительно померк в глазах писателя, что в немалой мере было связано со *странностями* его поведения в ходе затеянного Сталиным судилища над представителями оппозиции.

Следует отметить, что политические процессы 1936—1938 годов, по мнению Пришвина, нельзя объяснить лишь произволом генсека-диктатора, а тем более личной мстительностью Сталина, решившего свести счеты с неугодными ему людьми. Переход от административно-дисциплинарных разборок, влекущих исключение из партии, отстранение от должности или политическую ссылку, к прямому физическому уничтожению оппозиции, безусловно, имел более глубокие причины. Дело в том, что во второй половине 1930-х годов резко изменилась международная ситуация и в условиях назревающей мировой войны экономическое положение страны требовало предельной концентрации всех сил государства, чему, несомненно, мешали политические интриги и дразги претендентов на власть.

Необходимость поворота социально-экономического и политического курса развития страны предполагала самую широкую замену руководящих кадров, что и было осуществлено с революционной беспощадностью. Политические процессы над оппозицией были очевидной попыткой Сталина разрубить «гордиев узел» всего клубка идейно-теоретических и политических разногласий внутри правящей элиты, в ходе которых обнажились самые неприглядные стороны морально-психологического облика многих партийцев. Суд над так называемой «троцкистской» группой Зиновьева-Каменева в августе 1936 года просто ошеломил сознание большинства рядовых советских граждан. Это была ярчайшая демонстрация диктаторского всевластия Сталина, обратившего созданную революцией систему карательных органов для уничтожения классовых врагов на саму партию

в лице ее наиболее преданных членов — представителей «ленинской гвардии». Но самым неожиданным здесь для многих оказалось «признание» обвиняемыми своей вины, что и стало юридическим основанием приговора. Предопределенность итогов политического процесса была ясна уже из риторики генерального прокурора СССР А. Я. Вышинского, который во время суда с демонстративным пафосом именовал подсудимых, еще недавно входящих в высшую партийно-государственную элиту, не иначе как «цепными псами капитализма», «предателями» и «шпионами», хотя вся обвинительная база была основана на ложных доносах и выбитых под пытками самооговорах.

Так большевистская интеллигенция подошла к своему трагическому финалу, основой причиной которого, несомненно, была непримиримость противоречий революционной идеи, требовавшей от своих приверженцев ради социалистического переустройства мира предать забвению не только представление о нормах морали, но и о личном достоинстве. «Неужели же такое малодушие даже не в целях “жить”, а как-нибудь полегче умереть? <...> В этом свете показываются по-иному Бухарин, Радек и др. растленные люди (претенденты на власть)» [Пришвин, 2010а, с. 294]. Говоря о Бухарине и Радеке как «растленных людях», Пришвин, очевидно, имел в виду элементарную непорядочность многих партийцев, поспешно отказавшихся от своих соратников и малодушно поддерживавших самые нелепые домыслы в адрес бывших друзей, вроде обвинения в «шпионаже на пользу иностранных разведок». Одним из таких примеров может послужить сам Бухарин, который, узнав о финале политического процесса над Зиновьевым и Каменевым, 1 сентября 1936 года в послании Ворошилову писал с явным расчетом, что его слова будут доведены до Сталина: «Что расстреляли собак — страшно рад» [Цит. по: Кожин, 2011, с. 379].

Если прежде русская интеллигенция традиционно считала смыслом своего существования противостояние государству и всегда выступала против насилия власти над личностью, то для советской партийно-государственной элиты, которую олицетворяли люди, подобные Сталину, Бухарину, Радеку и иже с ними, главным стало служение революционной идее, ради которой они были готовы отринуть все нормы морали и оправдать любое преступление. Так проявлялась нравственная ущербность тех представителей когорты «ленинской гвардии», для кого социализм стал самодовлеющей идеей, по отношению к которой соратники и друзья, соперники и враги были только лишь средством или препятствием для достижения цели.

Политические процессы над оппозицией, пишет Пришвин, вызвали настоящий психоз общества: «Приумолкли дикторы счастья и радости, с утра до ночи дикторы народного гнева вещают по радио: псы, гадюки,

подлецы, и даже из Украины было: подлюка Троцкий. У нас на фабрике постановили, чтобы не расстреливать, а четверговать и т. п.» [Пришвин, 2010а, с. 455]. Но если у простых советских людей психоз был следствием неискушенности в политических вопросах, то многие из партийной элиты явили абсолютный аморализм, когда, перебивая друг друга, стали требовать для обвиняемых смерти, именуя недавних соратников «предательской бандой», «наемниками фашизма» и «мразью», по-видимому, надеясь таким образом миновать аналогичной участи. Падение морали у революционеров было прямым следствием исходной идеи марксизма о классовой борьбе как главной силе исторического развития. «Большевизм остается неизменным, меняется область его нападения: то это были землевладельцы, то купцы, то интеллигенция, то самая партия как враг ... Что дальше? Дальше нужно бы с кем-нибудь воевать» [Пришвин, 2010б, с. 11].

3.4. Социально-политический контекст переоценки писателем взглядов на деятельность и роль Бухарина в советском обществе

В атмосфере всеобщей подозрительности и мании поиска «врагов народа» поводом попасть под репрессии для любого советского человека могло оказаться даже подозрение в близости с политической оппозицией. Поэтому для Пришвина сам факт знакомства с опальным Бухариным стал прямой угрозой. Напомним: судебный процесс над последним начался 2 марта 1938 года, 13 марта оглашен приговор, а уже 15 марта Бухарин вместе с другими обвиняемыми был расстрелян. В целях безопасности Пришвину давно уже следовало сжечь всю переписку с ним, но в силу моральных убеждений ему было как-то неловко и стыдно перед собой сделать это именно в то время, когда автора писем уничтожают. «Нашел — наконец-то — письма Бухарина, прочел их. <...> Да и нет ничего дурного в этих письмах! <...> и стало жаль его: не знал, что творил ... И если он не знал, то что же знают другие?» [Там же, с. 43—44].

Примечательно, что бухаринские письма Пришвин нашел и перечитал 14 марта 1938 года, а через два дня — он получает повестку явиться в органы правопорядка и решает немедленно уничтожить всю переписку с Бухариным. «16 марта. <...> Вечером в 9 вызов “с паспортом”. Гибель писем. Позорный страх, — о, какой он знакомый! какая “обида” знакомая, а “жить хочется”. И вот из этого “хочется” два пути: путь “надо” (вплоть до “смертию смерть”) и путь унижения, вплоть до конвульсий. <...> Жил хорошо, весело, слыл хорошим человеком, но “попался” — и тут ...» [Там же, с. 45]. В этих словах писателя — прямое свидетельство о духовной атмосфере советской эпохи, когда каждый может совершенно неожиданно для себя оказаться на грани жизни и смерти.

Как человек с историософским складом ума, Пришвин понимал, что глубинные корни происходящих в стране политических процессов таятся в недавней русской истории — истории революционной интеллигенции, ныне трагически завершающейся у всех на глазах: «7 декабря 1937 года <...> Все старое, по-видимому, должно погибнуть, и “старые большевики” как последний источник интеллигенции, игравшей роль “бича Божия”» [Пришвин, 2010а, с. 818], — пишет он о печальной судьбе идейных вдохновителей разрушения великой страны. «Революция всех перебрала, теперь последняя очередь: казнят тех, кто взял меч. “Взявший меч от меча и погибнет”» [Там же, с. 686].

Так русская интеллигенция подошла к финалу почти столетних усилий по низложению монархии, приведших лишь к созданию такого общества, где жизнь людей начали определять заведомо лживые политические процессы и публичные самооговоры, демонстративные покаяния и самоубийства. Примечательным отличием конца большевистской гвардии было и то, что даже ее гибель оказалась совершенно бесславной и никого не спасла, в отличие от аналогичных примеров в среде творческой интеллигенции: «Вот Есенин повесился и тем спас многих поэтов: стали бояться их трогать» [Пришвин, 2006, с. 50]. Так замкнулся круг пришвинского знакомства с Бухариным, которое началось с ругательной статьи последнего о Есенине — несчастном поэте-самоубийце. Но вот спустя десятилетие человек, только что стоявший на Олимпе политической власти, сам оказался приговорен к смерти, которой, унижительно отрекаясь от собственных убеждений, он тщетно пытался избежать. Действительно пророческими оказались слова Пришвина, сказанные им в адрес Бухарина еще в начале 1930-х годов: «Сознают ли вполне такие люди, как Бухарин, что, отрекаясь публично от себя самих, они в то же самое время и лично кончаются. Один покончил с собой на петле, другой пустил в себя пулю, третий отказался от самого себя публичным заявлением в газете, сохраняя в себе тщетную надежду когда-нибудь при удобном случае вернуть человеческую душу в сохраняемый футляр от исчезнувшего себя самого» [Там же, с. 286].

Для понимания особенностей духовной атмосферы советского общества второй половины 1930-х годов показательна оценка Пришвиным политических процессов, которые, по его мнению, со всей однозначностью поставили перед всей страной альтернативу: власть «претендентов на трон» или власть Сталина. И если ты «остаешься со Сталиным, то видишь, как все непрочно у нас в партии и как быстро надо ему закреплять за собой народ и, главное, крестьянство» [Пришвин, 2010а, с. 454], — пишет он в январе 1937 года, а через год вновь возвращается к самой злободневной теме тех лет: «Процесс раскрывает картину полного разложения партии и

полное одиночество Сталина и зыбкость нашего государственного бытия: случись что-нибудь плохое со Сталиным, и все развалится начисто» [Пришвин, 2010б, с. 38].

Если длительное время в сознании Пришвина генсек правящей партии предстал в образе тирана, то в предвоенные годы к нему приходит осознание, что политика Сталина — историческая необходимость государства, вынужденного «корректировать» деятельность тормозящих его развитие социальных сил путем уничтожения наиболее ярких фанатиков революционного разрушения. «Когда у Сталина выходит очередная расправа с врагами, то она кажется на первых порах безумием и концом всего: через это, кажется, ему уж и не перейти. Проходит некоторое время, и совершается “тот поворот”: одумаешься и начинаешь понимать и мириться» [Пришвин, 2010а, с. 780]. Политический террор по отношению к оппозиции Пришвин воспринимает как историческое возмездие всем тем разрушителям государства, чье сознание застряло в революционном прошлом. Очевидно, этим и обусловлен его вывод, что именно «в неуклонной охране этой идеи возмездия состоит все значение Сталина, и в восстании на эту идею за легкомыслие гибли враги Сталина» [Пришвин, 2012, с. 493].

Хорошо помнящий ужас всеобщего хаоса и беззакония недавних революционных лет, Пришвин убежден, что к любому диктатору можно приспособиться, но только не к всеобщей анархии и смуте. Поэтому «*нам-то*, народу, быть может, и лучше, если “никого не останется, кроме Сталина”, то есть поменьше будет претендентов на трон: они же нам денег стоят. И пусть будет “жить начальство в страхе, а не мы”» [Пришвин, 2010б, с. 231], — приводит он в «Дневнике» распространенное мнение о сталинских репрессиях против партийно-государственной номенклатуры среди обывателей, основанное на здравом житейском смысле. Трагедией монархической России, по мнению писателя, было прежде всего бессилие власти, не нашедшей в себе политической воли, чтобы всей мощью великой империи в зародыше пресечь революционный бунт. Поэтому если цари не смогли этого сделать, то Сталин поступает вполне рационально, беспощадно уничтожая своих соперников.

Так Пришвин приходит к признанию законного права власти на возмездие для разрушителей государства. И если многие годы он считал, что революция — это кнут Божий и историческая кара для России, то в предвоенное десятилетие видит оправдание большевизма именно в том, что советская власть строит сильное государство, строит с нечеловеческим напряжением, жесточайшим насилием принуждая народ идти по этому мучительному и тернистому пути. Поэтому всякий, кто считает себя патриотом России, сегодня должен «оставаться при Сталине, потому что

какой ни на есть, а это государственный путь» [Пришвин, 2010а, с. 505]. И Пришвин делает свой выбор, мировоззренчески становясь на сторону советского государства, на сторону того великого исторического «надо», которое диктует обществу ход времени, хотя он по-прежнему принципиально не согласен с идеологией классового насилия в отношении простых людей. «8 Мая 1938. <...> Был человек, и его от нас “взяли”, как тигры в джунглях, бывает, возьмут человека: взяли без объяснения причины, и мы не знаем, где он»; «13 Октября 1938. <...> Жестокость (“без права переписки”) власти безмерная, невозможная — это темное пятно в нашем Союзе» [Пришвин, 2010б, с. 87, 188].

4. Заключение = Conclusions

Подводя итог, отметим: своей главной задачей Пришвин считает честное и правдивое отражение событий, очевидцем и участником которых он стал по воле судьбы. Творчество для писателя как объективного свидетеля эпохи — это единственно возможный способ бытия, когда нет границы между искусством и жизнью, идеей и реальностью, ибо все существует в тесной взаимосвязи и одно всегда вытекает из другого. Свидетельством тому стал и финал жизненного пути Бухарина: хотя ревностное служение революционной идее вознесло его на вершину советской власти, в конечном счете эта же идея закономерно подвела его под беспощадный каток сталинских репрессий. Несомненный талант мыслителя и стремление к поиску конечных причин социальных явлений позволяет Пришвину сделать поистине философское заключение: нельзя сваливать на человека то, в чем виновна руководящая людьми идея. Проводя аналогии с персонажами Достоевского и применяя его идеи к анализу советской эпохи, на примере судьбы Бухарина как типичного представителя большевиков-ленинцев писатель раскрывает не только трагическую противоречивость его убеждений, но и делает историософские выводы о внутренних духовно-нравственных изъянах революционной идеологии.

Источники

1. Михаил Михайлович Пришвин : Библиографический указатель / сост. Н. В. Борисова, З. Я. Холодова. — Иваново : ЛИСТОС, 2013. — 175 с. — ISBN 978-5905158-21-6.
2. Пришвин М. М. Дневники. 1926—1927 / М. М. Пришвин. — Москва : Русская книга, 2003. — 592 с. — ISBN 5-268-00519-7.
3. Пришвин М. М. Дневники. 1930—1931 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2006. — 704 с. — ISBN 5-94668-041-2.
4. Пришвин М. М. Дневники. 1932—1935 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2009а. — 1008 с. — ISBN 978-5-94668-060-8.

5. Пришвин М. М. Дневники. 1936—1937 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2010а. — 992 с. — ISBN 978-5-94668-073-8.
6. Пришвин М. М. Дневники. 1938—1939 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2010б. — 608 с. — ISBN 978-5-94668-077-6.
7. Пришвин М. М. Дневники. 1940—1941 / М. М. Пришвин. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 880 с. — ISBN 978-5-8243-8.

Литература

1. Бухарин Н. Судьбы русской интеллигенции / Н. Бухарин // Печать и революция. — 1925. — Книга 3. — С. 1—10.
2. Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма / Н. И. Бухарин. — Москва : Политиздат, 1989. — 512 с. — ISBN 5-250-01026-1.
3. Варламов А. Н. Пришвин / А. Н. Варламов. — Москва : Молодая гвардия, 2003. — 548 с. — ISBN 5-235-02548-2.
4. Горький М. Письмо Н. И. Бухарину, 13 июля 1925 г. / М. Горький // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 1. — С. 246—247.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 тт. / Ф. М. Достоевский. — Ленинград : Наука, 1974. — Т. 10. Бесы. — 517 с.
6. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 тт. / Ф. М. Достоевский. — Ленинград : Наука, 1988. — Т. 30. — Книга 1. Письмо Н. А. Любимову 11 июня 1879 г. — С. 68—69. — ISBN 5-02-027953-6.
7. Кожин В. Россия. Век XX / В. Кожин. — Москва : Эксмо : Алгоритм, 2011. — 1040 с. — ISBN 978-5-699-53295-7.
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 тт. / В. И. Ленин. — Москва : Политиздат, 1982. — Т. 45. Письмо к съезду. — С. 343—348.
9. Письма М. М. Пришвина М. Горькому // Литературное наследство. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. — Москва : Издательство АН СССР, 1963. — Т. 70. — С. 319—362.
10. Подоксенов А. М. М. М. Пришвин и Б. Э. Калмыков (к истории несостоявшейся повести о «настоящем большевике») / А. М. Подоксенов // Русская литература. — 2020. — № 2. — С. 201—206. — DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-201-206.
11. Пришвин П. М. Передо мной часто встает образ отца... : Воспоминания о М. М. Пришвине / П. М. Пришвин. — Москва : Нонпарел, 2009б. — 348 с. — ISBN 978-5-902992-18-4.
12. Сталин И. В. Сочинения : в 13 тт. / И. В. Сталин. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1949. — Т. 11. Ответ Билль-Белоцерковскому. — С. 326—329.

Material resources

- Mikhail Mikhailovich Prishvin: *Bibliographic index*. (2013). Ivanovo: LISTOS. 175 p. ISBN 978-5905158-21-6. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2003). *Diaries. 1926—1927*. Moscow: Russian Book. 592 p. ISBN 5-268-00519-7. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2006). *Diaries. 1930—1931*. Saint Petersburg: Rostock. 704 p. ISBN 5-94668-041-2. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2009). *Diaries. 1932—1935*. Saint Petersburg: Rostock. 1008 p. ISBN 978-5-94668-060-8. (In Russ.).

- Prishvin, M. M. (2010a). *Diaries. 1936—1937*. Saint Petersburg: Rostock. 992 p. ISBN 978-5-94668-073-8. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2010b). *Diaries. 1938—1939*. Saint Petersburg: Rostock. 608 p. ISBN 978-5-94668-077-6. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2012). *Diaries. 1940—1941*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 880 p. ISBN 978-5-8243-8. (In Russ.).

References

- Bukharin, N. (1925). The fate of the Russian intelligentsia. *Print and Revolution*, 3: 1—10. (In Russ.).
- Bukharin, N. I. (1989). *Problems of theory and practice of socialism*. Moscow: Politizdat. 512 p. ISBN 5-250-01026-1. (In Russ.).
- Dostoevsky, F. M. (1974). *The complete works: in 30 volumes (10. Demons)*. Leningrad: Nauka. 517 p. (In Russ.).
- Dostoevsky, F. M. (1988). *The complete works: in 30 volumes (30) / 1. Letter to H. A. Lyubimov on June 11, 1879*. Leningrad: Nauka. 68—69. ISBN 5-02-027953-6. (In Russ.).
- Gorky, M. (1989). Letter to N. I. Bukharin, July 13, 1925. *News of the Central Committee of the CPSU, 1*: 246—247. (In Russ.).
- Kozhinov, V. (2011). *Russia. Century XX*. Moscow: Eksmo: Algorithm. 1040 p. ISBN 978-5-699-53295-7. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1982). *Complete works: in 55 volumes (45. Letter to the Congress)*. Moscow: Politizdat. 343—348. (In Russ.).
- Letters of M. M. Prishvin to M. Gorky. (1963). *Literary heritage. Gorky and Soviet writers. Unreleased correspondence, 70*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 319—362. (In Russ.).
- Podoksenov, A. M. (2020). M. M. Prishvin and B. E. Kalmykov (to the history of the failed story about the “real Bolshevik”). *Russian Literature*, 2: 201—206. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-201-206. (In Russ.).
- Prishvin, P. M. (2009). *The image of my father often rises before me ...: Memories of M. M. Prishvin*. Moscow: Nonpareil. 348 p. ISBN 978-5-902992-18-4. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1949). *Essays: in 13 volumes, (11. Reply to Bill-Belotserkovsky)*. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 326—329. (In Russ.).
- Varlamov, A. N. (2003). *Prishvin*. Moscow: Molodaya gvardiya. 548 p. ISBN 5-235-02548-2. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.01.2022,
одобрена после рецензирования 26.03.2022,
подготовлена к публикации 20.04.2022.